

«Злое перо»: Кто и что мешает судебной реформе?

БИШКЕК (АКИpress) – Миллион за «Вашу честь». Почему судятся двое судей Верховного Суда? Кто и что мешает судебной реформе? Об этом «Злое перо» с председателем Верховного Суда Курманбеком Осмоновым и бывшим судьей Верховного Суда Султангазы Касымовым.

Автор и ведущая программы – Динара Суймалиева. Саму передачу «Злое перо» можно увидеть каждый вторник в 20.30 на канале НТС. Печатная версия – в газетах «МСН», «Агым», а также Интернет-версия на сайте АКИpress.

Д.Суймалиева: Скажите, вот в Первомайском районе сейчас идет беспрецедентное разбирательство между двумя судьями Верховного суда Касымовым и Азимжановым по защите чести и достоинства. И теперь уже бывший судья Касымов обращается к Президенту с просьбой о временном отстранении от служебных обязанностей вас и судьи Азимжанова для того, чтобы не было давления на суд. Как вы это расцениваете?

К.Осмонов: Таких оснований для отстранения судей от занимаемых должностей нет. Право человека публиковать статьи в СМИ, что и сделал Касымов – бывший судья, который недавно ушел. Ушел не просто так – наделал немного шума и, причем, он не прав, я думаю. А судье Азимжанову, который считает себя оскорбленным, я чисто по-человечески говорил, стоит ли с ним (Касымовым – ред.) связываться. Но он сказал: «Это мое право обратиться в суд в порядке частного обвинения».

Д.Суймалиева: Ваш коллега подал на вас в суд иск по защите чести и достоинства. Что это за дело?

С.Касымов: Я обратился к Президенту по поводу некоторых недостатков в системе Верховного суда.

Д.Суймалиева: Это было публичное обращение?

С.Касымов: Да, публичное обращение(газета «Жаны Ордо» от 17.02.06 – ред.). Я написал о многих недостатках реформирования судебной системы, а также ошибках, допускаемых нынешним председателем Верховного суда К.Осмоновым. Что он изолировался от общества, опирается только на некоторых судей, я указал по фамильно, в том числе в очень близких отношениях с судьей Верховного суда Н.Азимжановым. И абзац коснулся деятельности Азимжанова.

Д.Суймалиева: Как вы думаете, как закончится это дело?

С.Касымов: Я не знаю, как закончится. Я, например, на примирение не иду, потому что я ни в чем не виноват, он просит привлечь меня к уголовной ответственности за клевету и взыскать миллион сомов. А я подал встречный иск о взыскании пятидесяти тысяч сомов за оскорбление, потому что после моего обращения, он также обращается со статьей (газета «Жаны Ордо» от 24.02.06 – ред.), что нигде никаких нарушений он не совершал.

Д.Суймалиева: Судья Верховного суда подает иск в нижестоящий орган. С точки зрения морали должен ли он на это время отказаться от служебных обязанностей, чтобы не давать повода для разговоров?

К.Осмонов: Занимаемая должность никоим образом не влияет. Например, Верховный суд не обладает какими-либо административными полномочиями в отношении местных судов. Я и другие судьи не имеем права делать даже замечания нижестоящим судам при рассмотрении конкретных судебных дел, не говоря уже о каких-либо дисциплинарных взысканиях, о мерах административного воздействия.

С.Касымов: Видите ли, это влияет – он же все-таки председатель Верховного Суда, а я пенсионер. Мое правовое положение и его правовое положение. Поэтому он мне предлагает, чтобы я не плевал в колодезь, из которого пью. Я не плюю, я болею за свою работу. Все-таки отдать 44 года и К. Осмонов даже не соизволил принять и сказать: «Аксакал, спасибо, столько лет проработали». А он, наоборот, на месяц раньше представил меня

на освобождение. Это связано с тем, что в прошлом году после выборов, по настоянию избирателей, которые оккупировали здание Верховного суда, по их просьбе была организована комиссия по проверке законности, обоснованности решений суда в отношении ряда кандидатов в депутаты. Нас было 7 судей – нас попросили, сам я не просился. В шести округах было нарушение.

Д.Суймалиева: Решение Верховного суда по спорным округам стало отправной точкой в мартовских событиях прошлого года. И вы как председатель в любом случае, несете по крайней мере моральную ответственность за это, но вы не ушли в отставку. Почему? И что для вас тогда понятие «Ваша честь»?

К.Осмонов: Я уже неоднократно в прессе говорил об этом вопросе. По этим скандальным избирательным округам все дела разрешались в соответствии с законом. Другой вопрос, после революции, по прошествии определенного времени, некоторые силы, начали инициировать рассмотрение, т.е. возврат к этим делам и ультимативно, с угрозами требовали пересмотра этих дел, что не допустимо по закону, по тому же Избирательному Кодексу. Требовали пересмотреть по вновь открывшимся обстоятельствам, создали экспертную группу и т.д. Но мы не пошли на поводу у этих политиков.

Д.Суймалиева: Если бы вашу кандидатуру на должность судьи Верховного суда утвердили в парламенте, вы бы не стали выметать сор из избы?

С.Касымов: После заключения по 6 округам, К. Осмонов нас принял шестерых, с участием своих заместителей. Он нас упрекал, что мы выступаем против. Потом нас принял Президент и мы в течении часа изложили факты о грубейших недостатках в работе К. Осмонова, вообще системы судов и руководства в бытность его председательствования.

Д.Суймалиева: Как Президент отреагировал?

С.Касымов: Президент слушал. При этом он честно признался, что проработав в двух областях губернатором, никогда так близко не был знаком с судебной деятельностью, и что мы сделали для него

ценное сообщение. И кто-то донес об этом. Осмонов собрал всех судей и начал упрекать: «Вот вы были у Президента, жаловались». Я сказал, что мы говорили о том, что у нас творится, какие недостатки в вашей деятельности. Что у нас пропал Пленум, самое главное, обобщение судебной практики, вообще суды остались беспризорными.

Д.Суймалиева: На ваш взгляд, истинные мотивы этих статей Касымова?

К.Осмонов: Дело в том, что мы не пошли ему на встречу – он просил у нас то, чего не положено по Конституции. В следующем году ему будет семьдесят лет. 27 декабря истек срок его полномочий, я внес предложение президенту и в Жогорку Кенеш об освобождении его в связи с истечением срока полномочий 28 декабря 2005 года. Он 22 декабря, за 5 дней до окончания, подает заявление об освобождении по собственному желанию. Тогда он бы считался судьей в отставке и согласно Закону о статусе судей получил бы выходное пособие – это где-то 250 тысяч сомов. В то время, когда он уже 11 лет получал пенсию, являлся пенсионером. Но ведь должна быть и принципиальность в нашем деле. Государственных денег я не жалел, но есть же принцип и я доложил Президенту: «Ваше право, на каком основании освободить его».

С.Касымов: 32 депутата предложили Президенту, чтобы меня представили на избрание (судьей- ред.). Потом эти же депутаты голосовали против. Почему? В связи с этим заключением по 6 округам. Он, оказывается, обошел всех депутатов, и не только Осмонов, там и другие работники из гражданской коллегии ходили, уговорили, чтобы меня специально не пропустили.

К.Осмонов: Я его ни ругал, ни хаял. Он 11 лет пенсию получал, но за 5 дней до истечения люди же не уходят в отставку. Если бы годом раньше он это сделал, было бы нормально, понятно. А потом он попросил одного депутата собрать подписи в его поддержку. Тот собрал подписи, он подает в суд об изменении формулировки освобождения его от занимаемой должности. Т.е. не по истечению, а по собственному желанию. Ну, знаете, это уже

навязываемая, нечестная игра.

С.Касымов: Просто я обратился почему? Потому что у нас вообще с приходом Осмонова судебная система пришла в упадок. Соответственно закону о Верховном суде и местных судах, мы должны обобщать судебную практику, оказывать практическую помощь, давать разъяснения по применению ряда законов, такого у нас нет – Пленум прекратил работу.

Д.Суймалиева: В этой статье основная критика касалась именно вас, а не Азимжанова. У вас не было желания подать в суд?

К.Осмонов: Если бы я не занимал такой важный пост, и политический, и одну из высших государственных должностей, я может быть и подал бы. Но в жизни я никогда ни с кем не судился, за исключением выборов, когда в 2000 году меня полгода не пускали в парламент при явном моем выигрыше на 3,500 тыс. голосов. Если этот только случай не принимать во внимание, я никогда не судился. И я стараюсь быть выше разного рода пасквилей.

Д.Суймалиева: Президент озвучил идею пожизненного назначения судей как гаранта их независимости. Но не станет ли это гарантом и их безнаказанности в условиях высокой коррумпированности судебной системы сегодня?

К.Осмонов: Вы знаете, пожизненное назначение или избрание судей практикуется в развитых государствах с наиболее благоприятными условиями во всех отношениях. Конечно, в наших условиях пожизненное избрание судей Верховного суда, областных судов было бы возможно. Но если учитывать нашу действительность, то можно задаться таким вопросом: захочет ли человек был пожизненным судьей в Чаткальском районе, в Атбашинском, в Чоналайском? Ведь молодые судебские кадры тоже ведь ожидают какого-то профессионального, карьерного роста. Я думаю, что судьи местных судов можно бы было назначать на более длительные сроки, например, на десять-пятнадцать лет и предусмотреть в законе о статусе судей, о статусе судов

возможность их ротации.

С.Касымов: Нет. Например, в соседнем Казахстане все судьи пожизненные. А вот у нас пока может в Верховном суде это допустимо, потому что здесь нужен опыт. Но экспериментировать в судебной системе тяжело.

Д.Суймалиева: Сегодня в утверждении кандидатур судей участвуют и Президент, и парламент. Но ведь это изначально противоречит принципу разделения властей и делает судебную власть вторичной. Как вы относитесь к идее всенародного избрания судей?

С.Касымов: Нет, это невозможно. Я был дважды избран всенародно и единственный, кто набрал тогда 99,9%. Это было еще при тоталитарной системе. Но там другая картина была, другие понятия у избирателей. А сейчас, вы же видите практику избрания даже айыл-окмоту. Там же родовая война начнется.

К.Осмонов: Судебная ветвь власти по конституции – это ветвь самостоятельная ветвь государственной власти и, естественно, в формировании судебного корпуса не могут не участвовать, я так считаю, другие высшие государственные органы и должностные лица. Сейчас нынешний порядок, мне кажется, уравнивает, балансирует ветви власти в вопросах создания судебного корпуса.

Д.Суймалиева: Конфликт между судьей Саатовым и депутатом Малиевым вновь грозит стать системным конфликтом между законодательной и судебной властью. Как разрешить этот конфликт, сохранив баланс между двумя ветвями власти?

К.Осмонов: Об этом конфликте я осведомлен. На прошлой неделе этот вопрос рассматривался в комитете по госустройству Жогорку Кенеша. Я там высказал свое предложение. Это рядовой гражданско-правовой спор между гражданами, между депутатом Малиевым и судьей Саатовым. Я сказал, что формулировка этого вопроса, вынесенная на рассмотрение комитета, и которую планируется в будущем вынести на рассмотрение Жогорку Кенеша,

неправильна с правовой точки зрения и не этична. Вопрос сформулирован так: «О законности решения судьи Октябрьского районного суда такого-то». Вообще вопрос о законности судебных актов не должен быть предметом рассмотрения парламента. Эти вопросы должны рассматриваться только вышестоящими судами: апелляционной, кассационной и надзорной инстанциями. Я не думаю, что этот вопрос перерастет в какое-то противостояние между парламентом и судебной ветвью власти. Это самый заурядный спор между двумя людьми. Один себя считает оскорбленным.

С.Касымов: Это сложный вопрос, потому что Жогорку Кенеш дает согласие на избрание, а Президент дает распоряжение о назначении. Тут два моста и пройти через них и дать какие-либо рецепты о налаживании, вообще, у нас сложно пока в судебной системе. Верховный суд даже лишен возможности вносить законопроекты, он может внести их только через правительство, Президента или Жогорку Кенеш. Самостоятельно не может. Не так как в России, например, есть целые институты по разработке законопроектов в каждой правоохранительной и судебной системе. И при Думе, и при совете Федерации у них есть. Институты(!) по разработке законопроектов. Через это сито проходят все законопроекты.

Вот, по реформированию судебной системы: в Конституции написано одно – там нет Высшего Арбитражного суда, возьмите Закон о статусе судей, Закон о Верховном суде и местных судах – там Арбитражный суд есть. По статусу возьмите: Конституционный суд и Верховный суд равны. А в реальности, например, Конституционный суд стоит выше по зарплате, по статусу, по всем рангам. Есть распоряжение Президента КР, где председатель Конституционного суда по статусу приравнен к премьер-министру, а судьи Конституционного суда – к министрам. И зарплата, соответственно. А судьи Верховного суда и местных судов...

Д.Суймалиева: Последнее решение конституционного суда запрещает Верховному суду отменять акты нижестоящих судов. Это

борьба за кормушку?

18.53 К.Осмонов: Вы знаете, последнее решение меня тоже немало удивило. Я тоже в Конституционном Суде 7 лет отработал. Вот, если даже вернемся к статье 83 Конституции, там сказано о принятии нового решения, а как можно принять новое решение, не изменяя старого решения? Тогда что, будут действовать два решения или несколько решений? Это раз. Во-вторых, наши письменные и устные доводы нашего представителя в Конституционном суде и в решении Конституционного суда ни коим образом не учтены и не сказано о них. Наши доводы основывались на статье 85 Конституции.

С.Касымов: Направлять дела на новое рассмотрение нижестоящим судам – это самый наболевший вопрос. Мы очень рано отказались от института доследования, потому что следователи у нас безграмотны. Если судить по постановлению Конституционного суда, если подсудимый оправдан, скажи – правильно, даже, если он виновен.

Д.Суймалиева: С другой стороны, если говорить об этом решении Конституционного суда, на самом деле, почему люди должны пройти три круга ада, прежде чем будет поставлена точка даже в самых простых делах?

С. К. Для этого надо повысить грамотность, ответственность следователей и судей местных судов. Если бы было нормальное расследование на предварительном следствии, если было объективное рассмотрение в суде первой инстанции, то дела вряд ли попадали бы во вторую инстанцию. Тогда бы Верховный суд остался безработным, стал бы только координатором по оказанию практической помощи, по разъяснению в применении законов.

Д.Суймалиева: Т.е. так как должно быть?

С.Касымов. Да. Раньше, если следователь недоброкачественно расследовал и дело возвращали на доследование – за несколько таких случаев его сразу увольняли с работы. Сейчас ответственности нет. Он пришьет невиновному 6-7 статьей Уголовного кодекса, а судьи оставят одну статью. И он доволен

тем, что его дело прошло. Принципа ответственности у нас нет. Поэтому у нас творится бардак.

К.Осмонов: Я бы не стал так формулировать – три круга ада. С правовой точки зрения, в пользу защиты прав и свобод граждан, чем больше судебных инстанций, тем больше гарантия защиты их прав.

Д.Суймалиева: Многими демонизируется роль Чолпон Баековой в выхолащивании судебного законодательства и судебной системы в целом. Так уж велики ее «заслуги»?

С.Касымов: Ну, выхолащиванием назвать трудновато, но судебной реформой, начиная с 94-го до 2002гг. полностью она руководила – это все судьи знают. Она организовала первый съезд судей, там она образовала Совет судей, сама руководила, сама представляла – подбор, расстановка кадров – полностью она. В этом я ее не обвиняю и не очерняю. Просто говорю, что факты есть. Конституционный суд признал неконституционным существующую систему процессуального права всех стран Содружества, она признала незаконным Пленум, Коллегию, Президиум. 17 человек сидело, «распределяло калоши», это разве конституционно? По 6-7 месяцев мы сидели без работы, пока не внесли в соответствии с ее решением статьи Уголовно-процессуального закона. И никто не понес ответственности. Я не обвиняю ее, это ее мнение.

К.Осмонов: Я бы воздержался от негативной оценки ее деятельности. Безусловно, она, как человек, как юрист – знающая, грамотная. Но иногда у меня складывается и раньше, когда я работал в Конституционном суде, складывалось такое мнение, что над тем или иным решением больше доминирует так называемая политическая целесообразность. Но и в то же время мы принимали решение коллегиально, не она единолично, конечно.

Д.Суймалиева: Скажите, кто и что мешает сегодня судебной реформе?

С.Касымов: Каждый мешает, каждый хочет себя показать, что они очень сильные работники. И председатель Конституционного Суда

считает себя таким, и К.Осмонов считает себя. У нас при Советском Союзе существовал Координационный совет между Министерством юстиции, Верховным судом, МВД. Мы обсуждали все вопросы – я ведь тогда замминистра был и курировал организационную деятельность судов – выносили специальные постановления, давали рекомендательные советы всем практическим работникам. Такого сейчас нет. Каждый раз говорят, что у нас есть Координационный совет, руководит им генеральный прокурор. Я ни разу не видел, чтобы Координационный совет существовал, собирался и обсуждались какие-то дельные вопросы. Нет такого.

www.akiipress.kg